

ДОЛГ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Долг в смысле необходимости напрямую связан с удовлетворением жизненных потребностей человека. В индивидуальном порядке человек вынужден обеспечивать себя как минимум в питании, отдыхе, стремиться к комфорту условий существования и деятельности. Эту насущную необходимость можно условно назвать долгом по отношению к себе, своему телу. В зависимости от содержательности внутреннего мира человека, разнообразия его интересов и занятий, необходимыми им признаются также и потребности интеллектуального, эмоционального и духовного плана.

Но было бы, пожалуй, нелепо рассматривать долг вне социальных отношений. Ведь долг скорее выступает как социальная характеристика, является мерой согласованности индивидуальных и общественных интересов. Долг с этой точки зрения, очевидно выражается нормативностью мышления и поведения индивида внутри сложившейся, данной ему априори, культурной ситуации. Значит, долг выступает здесь в качестве мотива, оправдывающего стиль жизни индивида; в качестве моральной оценки, степени осознанной полезности своей жизни окружающим.

Долг, значит, необходимо связан с окружающими людьми, его можно определить как форму разумного согласования поступков индивида с их интересами. Эта особенность позволяет упоминать о долге как априорном свойстве человека, которое состоит в благодарности окружающим людям за то, что, не прилагая никаких дополнительных усилий, человеку можно пользоваться техническими и творческими продуктами многовековой общечеловеческой культуры. Человек изначально обязан культуре условиями комфортного существования [4]. Но эта обязанность предполагает и взаимное отношение: долг человека, по мнению гуманистов, состоит в том, чтобы не только потреблять культурные блага, черпать их из сокровищницы культуры, но и создавать их в служении грядущему человечеству [6].

Исследуя происхождение понятия «долг», нетрудно видеть, что оно тесно перекликается с религиозными установлениями. В одном случае говорят о долге перед Богом. Он состоит в возвращении человека к первичному состоянию благодатной чистоты и творческой интенсивности духовной жизни. Здесь нормативной основой долга выступают нравственные предписания, религиозные за-

поведи. Долг человека состоит в согласовании религиозных норм с повседневностью жизненного уклада. Нетрудно видеть в конечном счете, что внешне обусловленный религиозный долг преломляется в индивидуальной жизни посредством переживания чувства вины, благодарности и совести. И все религиозное содержание долга сводится к единственной заповеди смирения и любви.

В ином случае рассматривают религиозный долг перед людьми. Он начинает осознаваться человеком с признания той очевидности, что окружающие люди облегчают ему жизнь своими молитвами, советами и заботой. Вместе с тем, они ведь совсем не обязаны по необходимости (не должны) делать все это. Позиционируя себя в качестве души, человек связан с остальными людьми лишь условно, в зависимости от спонтанного проявления ими добрых чувств, а безусловно, абсолютно — только с Богом. Но существенно, что это общение с Богом, любовь к нему по принципу зеркала протекает через бескорыстную искреннюю помощь другим людям, которых должно деятельно любить, научившись видеть в них Его образ.

С психологической точки зрения долг сводится, как нам представляется, к ответственности за свои слова и поступки. В процессе социализации индивид шаг за шагом начинает вмешиваться в течение жизни окружающих людей. К слову сказать, он достигает известной самореализации в обществе именно при их помощи. В этом случае актуализируется противостояние индивидуальных и социальных интересов, чаще неосознанное: «В нашей культуре наиболее важный невротический конфликт — это конфликт между навязчивым, бездумным стремлением всегда быть первым и потребностью быть всеми любимым» (7: 348).

По ходу развертывания этого скрытого конфликта между человеком и культурой можно наблюдать и возникающую необходимость нравственной оценки своих поступков. Вот эта способность обосновывать собственные действия, предвидеть их последствия для окружающих людей и называется ответственностью. Мера взятой на себя ответственности выражает то, насколько зрелой и самостоятельной личностью является данный индивид. Ответственность во многом зависит от смелости характера, убежденности в истинности своих жизненных позиций, принципиальности поведения.

Многие люди, избалованные в детстве, инфантильные, считают себя слабыми, беспомощными, неспособными противостоять общественному мнению, делать самостоятельный выбор, мотивировать свое поведение. Эти психологические особенности характера оз-

начают по сути задержку в личностном развитии и напрямую приводят к душевным заболеваниям, недееспособности [5]. Такие люди в будущем становятся конформистами, они просто боятся брать на себя любую ответственность, обосновывать свои поступки, огорчаться или радоваться их последствиям. Полагая себя до как будто бы еще в материнской утробе [3], они передают все возможные объяснения и оправдания, возможные горести и радости, сначала родителям, а затем общественному мнению.

Указанная инфантильность мышления и поведения, самолюбование и нарциссизм культивируют в людях безответственность и отсутствие каких-либо социальных обязательств, отсутствие социального долга. Средствами массовой информации и пропаганды это душевное состояние провозглашается как новая социальная норма. Так воспитанные индивиды, симулируя некую свободу и самовыражение, на самом деле исповедуют двойную мораль или цинизм. В обществе, пребывая под властью принципа личной пользы, они не считаются с интересами других людей, их оценки и поступки часто становятся непредсказуемыми.

При этом, как они считают, окружающие люди, также как и родители, будто бы обязаны (должны!) им помогать и во всем обслуживать их потребности. Это, на наш взгляд, ложное понятие о долге, характерное для потребительского отношения к людям. К сожалению, оно стало очень распространено в современную эпоху процветания индивидуализма и так называемого свободного воспитания (его практического отсутствия в кругу семьи.)

Специфически обыденное, житейское понимание долга также соотносится зачастую с чрезвычайно узким пониманием социальной нормы. Долг перед обществом нередко сводится всего-навсего к исполнению законодательства.

В более широком аспекте негласных нравственных установлений, по аналогии с религиозными заповедями можно говорить долге как «правилах хорошего тона». Квинтэссенцией нормы, подобно религиозной любви, в социальном измерении выступает, на наш взгляд, золотое правило этики [2]. В сущности, в нем утверждается, что если человек не способен к любви, если в нем нет деятельного сострадания к людям, то он будет все же способен приносить добро, задействуя хотя бы свое социальное чувство, продуктивное воображение и ум.

Здесь долг опять-таки понимается как разумное начало в человеке, способность не только действовать, но перед тем, предсказывая последствия, рассуждать о своих поступках, в то же время и сохранять единый принцип бытия, проявляющийся одинаково не-

зависимо от жизненных ситуаций. Долг выступает как нравственный аспект мыслительной деятельности, рациональное начало избранного индивидом жизненного уклада. Здесь хотелось бы отметить, как связаны «правила хорошего тона», исполнение которых полагается долгом воспитанного человека перед культурой и рациональностью.

В современном разнородном обществе говорить о всеобщем долге перед людьми представляется некорректным. Абсолютная универсальная мораль возможна, на наш взгляд, лишь в традиционном религиозном государстве, где она надежно обоснована догматами веры. В условиях же, когда жизненные установления, интересы и занятия людей различаются принципиально, говорить о всеобщих нормах неприемлемо. С другой стороны, хочется избежать релятивизма и найти все же общие основания для нравственных понятий. Таким надежным основанием может выступать не отношение индивид-общество, а лишь диалогические отношения между индивидами внутри конкретной социальной группы.

И вот, в этом частном конструктивном аспекте раскрывая сущность «правил хорошего тона», мы обнаруживаем, что долг — это негласные обязательства, которые человек добровольно принимает на себя, за которые он способен нести отчет (радоваться или извиняться) перед другим конкретным человеком. Такой долг часто понимают как «воспитанность». Другой всегда изначально настроен на некоторую форму отношения к себе, он ждет от нас определенной манеры поведения, манеры общения и образа действий. Предполагая, каково содержание этих ожиданий другого в каждом конкретном случае диалога, намереваясь строить отношения определенной глубины и качества, мы с готовностью принимаем на себя и должные формы мышления и поведения. Долг выступает в межличностном диалоге как готовность принять другого как самоценную личность, оправдывать его ожидания, нести ответственность за возможные разочарования в нас.

Нарушение долга вызывает глубокие и неприятные душевные переживания тревоги, неуверенности. Оно показывает, что ожидания не оправдываются. В конечном счете, это убеждает, что источником несчастий оказывается наивная, ни на чем не основанная вера в человека, сохранить которую помогает лишь стоическая мораль.

«Поутру следует сказать себе: «Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Всеми этими свойствами они обязаны незнанием добра и зла. Я же, после того, как познал

природу добра — оно прекрасно, и природу зла — оно постыдно, и природу самого заблуждающегося — он родной мне не по крови и общему происхождению, а по духу и божескому определению, — я не могу ни потерпеть вреда от кого-либо из них — ведь никто не может вовлечь меня во что-либо постыдное, ни гневаться на родного, ни ненавидеть его...» [1: 13].

Итак, поскольку наш долг связан с ожиданиями относительно нас, то нарушением его являются так называемые алогичные поступки. Алогичность следует понимать как обнаруженное несоответствие между мыслями, словами и действиями.

Например, если не сохраняется принципиальность мышления, взглядов человека, возникает неуверенность в тождественности его личности, в ответственной самостоятельности. Возникает вопрос о двойственном, лицемерном поведении. В этом смысле нарушенный негласный долг оказывается сопоставим с честностью, которую, вопреки нашим ожиданиям, подменили заведомой ложью.

В ином случае, когда поступки не соответствуют словам человека, возникает чувство его легкомысленности, ненадежности. Необязательность человека проявляется в безразличном отношении к вопросам, просьбам, которые мы считаем серьезными и важными. Нарушенный долг здесь имеет более оскорбительный характер, поскольку лишает нас реальной помощи. Ожидания не оправдываются, поскольку не исполняются обещания и договоренности.

Резюмируя сказанное, можно заметить, что долг как негласные обязательства и ожидания, ответственность за слова и поступки выступает определяющим фактором для межличностных отношений любого уровня и глубины. Он поддерживает веру в человека, в духовность его существа, через исполнение заповедей любви или хотя бы «правил хорошего тона», «воспитанности». Неисполненный долг является источником чувства вины, тревожности и других душевных страданий; он всегда осуждается обществом в целом или окружающими, близкими нам людьми, вызывает разочарование в нас, требует объяснения причин и искренних извинений.

1. Аврелий, М. Размышления. М.-СПб., 2001.
2. Кант, И. Лекции по этике. М., 2005.
3. Ранк, О. Травма рождения. М., 2004.
4. Селиванов, Ф. А. Избранное. Тюмень, 1998.
5. Фрейд, З. Основной инстинкт. М., 1997.
6. Фромм, Э. Бегство от свободы. Мн., 2003.
7. Хорни, К. Психология женщины. М., 2003.